

Стеганая держава / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Стеганая держава / рассказ СТЕГАННАЯ ДЕРЖАВА

1.

– Ну и в чем твоя проблема? – спросил Мансур, когда ощутимо полегчало всем: и бутылки достоинством в литр, и Мансуру, и Носоглотке.

Носоглотка, шишковатый здоровяк, шмыгнул носом и потянулся за жиденьким пучком кинзы. Другую руку, которой он только что брал шашлык и макал его в острый соус, Носоглотка вытер о просторную бесформенную рубаху.

– Да не проблема даже, – ответил он, чуть растягивая слова.

– Но ты же сказал, что надо перетереть.

В шашлычной было чадно и хорошо, так пахнет на вокзалах, в недорогих кафе и милицейских обезьянниках. Главенствующая составляющая определяется контекстом, но общая гамма неизменна. Играла простая и понятная музыка, она же песня. Посетителей было мало: Носоглотка и Мансур. Мансур не любил роскошную жизнь и устроил в шашлычной нечто вроде приемной. Поэтому в назначенные часы ее закрывали на мероприятие.

Иногда мероприятие мнимое перерастало в мероприятие настоящее: принимались меры. Тогда, уже после мероприятия, приоткрывался черный ход, и оттуда выносили расстегнутые тела.

Но это случалось редко, Мансур прославился миролюбивым нравом и слыл либералом. Его тропическая, первобытная внешность была обманчива; под шкурой агрессивной гориллы прятался миротворец.

– Дядя у меня есть, – с нарочитой брезгливостью сообщил Носоглотка. – Лох такой, что ты не поверишь. Таких вообще не бывает. Но вот представь себе.

– Так, хорошо, – Мансур взял бутылку, разлил. – Дядя. У дяди проблема?

– Проблема, ага, – недовольно кивнул Носоглотка. – Выперли его.

Мансур насторожился, навалился мохнатой грудью на стол:

– Плохие люди, а? Надо наказать?

Носоглотка расстроено махнул рукой:

– Да нет, наказывать некого. И смысла нет. Он, Мансур, работал вахтером в какой-то занюханной конторе. Какой-то институт или бюро. Я не знаю, я эти фишки не рублю. И его выперли. Там многих выперли, потому что херней занимаются, денег нет, охранять нечего. И вахтерить бесполезно. Там проходной двор. Все, что можно, спиздили еще десять лет назад. Цветные металлы, ртуть...

Мансур, не спуская с него внимательных, чуть навывкате, глаз, закурил.

– Давай еще по одной и дальше рассказывай.

– Давай. Чтоб у тебя все нормалек было.

– Спасибо, дорогой. И чтобы ты тоже не болел.

Оба выпили, помолчали. Сморщенное лицо Носоглотки разгладилось, преобразилось в привычный блин, и он продолжил:

– Теперь дядя засел дома. Он никому на хер не нужен. Ему пятьдесят восемь, таких нигде не берут. Но он у меня не простой! он, понимаешь, не может без дела. Намылился кондуктором пойти, а то и дворником. Ну, мне это впадлу, понимаешь? Чтобы у меня дядя кондуктором ездил? Когда в институте штаны протирал – я думал, ладно. Все-таки институт. Или бюро. Но кондуктор – это же не вариант, согласись!

– Не вариант, – качнул бритой головой Мансур.

– Вот я и думаю, куда его пристроить, лошару.

– Так ты что же – с дядей живешь?

– А я про что тебе битый час толкую? С дядей.

– Давай, сейчас ему квартиру купим, будешь жить хорошо!

– Нет, Мансур, – отказался Носоглотка. – Он мне все-таки дядя. Понимаешь? Ну, я знаю, что гонимо, но все равно он мне дядя. Он меня на санках катал. Он еще, может, и не поедет в квартиру. А если поедет, то один хрен. Чем он там заниматься будет? У него ведь шило в жопе сидит. Пойдет кондуктором и меня зашкварит. Как я пацанам в глаза посмотрю? Может, пристроишь его куда-нибудь – а, Мансур?

Носоглотка исхитрился прикинуться к столешнице так, что вроде

бы и сидел, как прежде, но вроде уже и лег, и смотрит на могущественного Мансура, словно проворовавшаяся собака или ворона.

Мансур задумался. Клубы дыма окутывали его, размеренная сладкая песня наглаживала крупные уши, в животе было тихо и уютно.

– Куда же я его пристрою? – недоуменно спросил Мансур. – Пятьдесят восемь лет, говоришь? Полный лох? Выперли из вахтеров? Я даже не знаю.

– Придумай что-нибудь, – ныл Носоглотка. Было видно, что он действительно переживает за дядю. Переживает бескорыстно, от души, что удивительно в Носоглотке и за какие чувства ему впоследствии простятся многие грехи. – Я отработаю, в долгу не останусь...

– Да брось ты! – Мансур недовольно хлопнул его по плечу и вновь погрузился в раздумья. – Понимаешь, у меня все вакансии заняты. На точку его поставить?

– Нет! – Носоглотка взмахнул руками. – Ты что! Лошару такого на точку! Он же, придурок, честный в доску! До того честный, что прикажешь обманывать – честно пойдет и честно будет обманывать. Его обуют и разведут, как малолетку. Хуже малолетки... У него рожа – мечта лохотронщика... Ты представь: ему поручили военно-патриотическое воспитание. Так он и его провалил.

До Мансура что-то дошло.

– Он и в милицию пойдет?

– Пойдет, если ему скажут! Нет, если ему напеть, что дело чистое, то он поверит и сделает, и сам не допрет, чего натворил. Вот если ему кто растолкует, тогда он послушается и поплетется, как скотина на веревочке. Куда поведут. И всюду он будет доволен, всюду ему понравится. Полочку приколотит, картинку на стену повесит... Сядет чаи распивать.

– Послушай, Носоглотка, – Мансур был утомлен. – Ты не обижайся. Я тебя прямо спрошу: он больной, этот твой дядя? На голову? Совсем дурак? Умственно отсталый?

– Здоровый, – уныло отозвался Носоглотка. – Но дурак, это да. Добрый очень. Сказки мне на ночь рассказывал, конем скакал,

ослом кричал...

– Конем скакал мне не надо, – мрачно обронил Мансур. Глаза его остекленели, взгляд стал тупым. Он смотрел на барменшу, которая хладнокровно протирала пивные бокалы. – В охрану я такого тоже не могу, – сказал Мансур после паузы. – В халдеи?

– Это впадлу, – нахохлился Носоглотка.

– Прости, брат. Я просто так думаю вслух. Забудь.

Носоглотке тоже случалось подумать вслух, но при Мансуре он не смел, да и не очень любил – ни вслух, ни про себя. А Мансур у себя в шашлычной мог думать как угодно, что угодно и про кого угодно.

2.

Дядя Носоглотки, Константин Андреевич Черемисин, полностью соответствовал описанию, которым наградил его племянник Гриша по прозвищу Носоглотка. Долговязый, угловатый, неизменно жизнерадостный, переполненный оптимизмом дядя. Лицом он напоминал развеселившегося окуня. Серебряные волосы торчали природным бобриком. Если по паспорту дяде и в самом деле исполнилось пятьдесят восемь лет, то в душе ему не было и четырех. Это, конечно, в известном смысле преувеличено – вернее, приуменьшено, но многие окружающие не могли отделаться от впечатления, что да, никак не больше четырех – в крайнем случае, девять.

Черемисин действительно провалил военно-патриотическое воспитание, которым – как и любым порученным делом – занимался с удовольствием, с огоньком и выдумкой. Он вывез предоставленных ему для этого дела старшеклассников на место боевой славы, где думал почитать стихи и запустить китайские петарды. Но старшеклассники перепились еще в электричке, на месте боевой славы затеяли драку, и одного покалечили, а двое других едва не утонули в реке. Константин Андреевич огорченно скакал вокруг, плескал руками, приседал и восклицал. События приняли оборот, которого он совершенно не ждал, которого не мог даже помыслить.

Тогда он расстроился по-настоящему, и это состояние

подавленности было для Черемисина редким и необычным. Оно объяснялось тем, что Константин Андреевич не прослуживший в армии и дня по причине плоскостопия, искренне любил все военное, особенно техническое. Он был ходячей энциклопедией и знал решительно все вещи, ни в малой степени его не касавшиеся. Он выписывал и покупал военно-технические журналы, делал вырезки и ксерокопии, переписывал статьи от руки. У него можно было получить ответ на самый неожиданный вопрос. Он мог, например, без запинки рассказать о дальности полета новейших беспилотных летательных аппаратов. Или о системе сканирования морского дна в акватории Финского залива. Или о системе радиолокационной защиты в Казачьей Бухте.

Мало того, что Константин Андреевич знал все эти вещи, он еще и умел применить их в гипотетическом развитии. Любая техническая задача, вплоть до полета на кольца Сатурна, представлялась ему простой и довольно легко осуществимой. За пару дней на паре тетрадных листков он мог набросать шариковой ручкой свою версию технического решения. Показать, «как сделал бы это он».

«Вот здесь у нас будет клапан, сюда – заглушку. Датчики по бокам. Это? Это аккумулятор. А это соленоид».

Как и все люди подобного склада, он неоднократно собирал и разбирал радиоприемник, умел играть в домино, горевал по советскому прошлому, но и в нынешних государственных деятелях не видел ничего дурного – разве что некоторую неопытность, недалекость. Он сделал бы не так, он сделал бы иначе. А эти... Константин Андреевич махал рукой. Что с них взять? Безответственные, легкомысленные люди.

Черемисин порицал одну молодежь: за праздность, безынициативность, инертность, незаинтересованность, хулиганство.

Впрочем, и здесь он обнаруживал врожденную мягкость характера: племянника журил, но беззлобно, искренне надеясь в обозримом будущем увлечь Носоглотку каким-нибудь полезным занятием. И это, как ни странно, ничем не походило на стариновское ворчание; Константин Андреевич не выглядел старым брюзгой. Огонек внутри него не тлел, но мерно горел, изредка порождая

вспышки, какие бывают на Солнце или на газовой плите, если подбросить горсточку поваренной соли.

Увольнение со службы явилось для него не сказать что ударом – преткновением. Вот шагал себе человек и напоролся на неожиданную преграду. Дядя Носоглотки не видел ни малейших оснований к унынию и панике. Он точно знал, что очень скоро найдет себе занятие не только по душе, но и по плечу. А по плечу ему было, как уже сказано, любое дело. И если бы Носоглотка поручил ему возглавить бригаду, собиравшую дань с окрестных ларечников, Константин Андреевич не колебался бы ни секунды. Он попросил бы лишь об одном: отметить эту деятельность в трудовой книжке.

Он много читал и разбирался не только в новинках военной техники, но и в отечественной истории; хорошо знал геральдику, понимал тайную подоплеку основных исторических событий. В Бога не верил и в церковь не ходил, зато мог перечислить едва ли не все российские храмы и монастыри – за исключением самых мелких. Он интересовался транспортом и был в состоянии набросать схему российских железных дорог. Ему было достоверно известно, какие станции метро построят в городе через двадцать лет. Он не бегал трусцой, но принимал холодный душ и почти не пил – две рюмки вина по праздникам. Не курил и курилку-племянника загонял в туалет или выставлял на балкон.

У него были гантели.

3.

– Ты меня озадачил, брат, – признался Мансур, критически внюхиваясь в третью порцию шашлыка. – Ты нагрузил меня! – удивился он.

Носоглотке хотелось провалиться под землю, но так, чтобы и Мансура прихватить, и чтобы тот под землей приложился к чему-нибудь крепкому.

– Есть у меня одно место, – задумчиво молвил Мансур. – Ты ведь слышал, что Эсмеральда хочет отойти?

Носоглотка смотрел на него тупо. Он что-то слышал, но ему и в голову не пришло примерить эту новость на себя.

– Эсмеральда? – переспросил он загипнотизированно.

– Ну да, – Мансур умиротворенно зачавкал мясом. Его посетила идея, и он принял хорошее решение. – Ты что – Эсмеральду не знаешь, друг?

Как любой друг Мансура, он же брат, Носоглотка отлично знал Эсмеральду. Он потому и переспрашивал.

– Куда же она намылилась? – бессмысленно спросил Носоглотка, оттягивая страшное.

Мансур закатил виноградные глаза:

– Говорит, что ей хватит. Дом, говорит, куплю. За границу поеду, на море, молодого себе найду. Я ей прямо сказал: Эсмеральда, сказал, на дом тебе хватит, ладно. И на море наскребешь. Но молодой тебе дорого обойдется, это я тебе как мужчина женщине обещаю. На молодого ты еще не заработала. Так ей и выложил.

Носоглотку передернуло. Он представил себя в состоянии заграничного приморского сожительства с Эсмеральдой. Виагра творит чудеса, но душу бессмертную жалко до слез.

Мансур вздохнул и махнул барменше, требуя водки.

– Короче, уперлась она. Понимаешь? Ну а я что – я, по-твоему, зверь, да? Честно скажи, как мужчина мужчине – я зверь?

– Ты, Мансур, авторитет, – серьезно ответил Носоглотка. – Звери в авторитетах не ходят. Зверь в клетке должен сидеть.

Тот расстроено ощупывал сизую щетину, густо покрывавшую щеки и подбородок. Ему вдруг почудилось, что все вокруг несправедливы к нему.

...Выпили еще, и Носоглотка захмелел прилично, хотя еще не был непоправимо пьян.

– Мансур, – заговорил он робко, – а при чем тут вообще Эсмеральда? При нашем-то базаре, а?..

– ..А? – очнулся Мансур. Он успел позабыть обо всем и мысленно унеся куда-то далеко, в солнечный Азербайджан. В небесный Азербайджан, если такое возможно, в прообраз и предтечу многочисленных азербайджанов, томящихся по разным вселенным. Где все настоящее: виноград, сливы, женщины, арыки, сады, огнестрельное и холодное оружие...

– Почему ты про Эсмеральду сказал?

– Я твоего дядю на ее место поставлю, – рассеянно объяснил Мансур.

Носоглотка съезжился. Он проклял минуту, когда надумал просить за дядю.

– Но ведь он мужик, – возразил он без особой уверенности. – А туда нужна мамка.

– Ну и что? Почему обязательно должен быть баба? – Разволновавшийся Мансур начал делать ошибки в русском языке. – Был мамка, теперь будет папка! Вывел девочек, показал, забрал деньги, пошел отдыхать. Если гости безобразничают – вызвал охрану. И получаешь процент. Где ты еще такой работа найдешь? Мансуру все больше нравилась эта идея.

– Приведешь его завтра.

– Сюда?

– Зачем сюда? Прямо в салон приведешь. Покажешь ему там все, а я скажу Эсмеральде, чтобы всему научила.

Преисполненный отчаяния, Носоглотка опрокинул в себя полный фужер.

– Он же лох, – завел он старую шарманку, пробуя выручить дядю. Который катал его на санках, скакал козлом и кричал ослом.

– Э, дорогой! На этом месте даже лох – и тот не напортит. Это же невозможно. Ну что там можно сделать неправильно? Я не представляю...

«Лучше бы кондуктором», – убивался Носоглотка.

Он понял, что погубил Константина Андреевича.

4.

Квартира на Фонтанке одно время была фешенебельной, потом перестала быть фешенебельной и сделалась коммунальной; в силу этой метаморфозы она стала просто непрезентабельной и гадкой, а ведь когда-то в ней даже давали балы средней и малой руки. Она потеряла невинность сразу после октябрьской революции; в ее дверях, на пороге, немедленно расстреляли кого-то в шубе и шапке. Потом ее вымораживали; потом заселяли дрянью, потом ей калечили слух еженощным топотом чекистских сапог. В военные годы к уже покалеченному слуху добавилось зрение:

исполосованные крест-накрест окна, с местами выбитым стеклом, которое заменили фанерой. А дальше надобность в дополнительных внешних воздействиях отпала, ибо мутация произошла, закрепилась, и после войны мутировавший организм просто старел. Наконец, отвалилась последняя штукатурка, но не в строительном понимании, а иносказательно, в смысле косметического макияжа. Обнажилась кладбищенская правда. Металось пьяное эхо, отовсюду тянуло падалью и мерзостью. По коридорам бродили человеческие тени. Страшно посверкивала коммунальная газовая плита: средоточие догорающей жизни, последнее пристанище света. Из огромных облупленных зеленых кастрюль доносилось предсмертное побулькивание: на обед варилась не то капуста, не то белье, эта вторичная жизнь обогревалась и содержалась газовым тленом.

Но вот история завернулась в диалектическую спираль. Никто не думал, что такое возможно, и все-таки возрождение началось, состоялся виток. Он соответствовал обновлению, которое выросло из гадости и содержало эту гадость в себе как обязательный опыт, залог и зерно грядущего роста.

Тени с кастрюлями растворились. Какое-то время по квартире разгуливали люди Мансура, обращались к теням, беседовали с ними о теневых делах; общались, чем-то поили, что-то подписывали. После этого теней не стало. Квартира наполнилась затравленными азиатами с мастерками и молотками. Паркетчики, обойщики, плиточники и прочие заезжие специалисты трудились без малого месяц, создавая для тараканов и мокриц невыносимые условия бытия.

Гадость не истребилась под корень, она отступила. Ее покрасили, расплющили, задавили, законопатили; она истончилась до состояния тонкой, но очень прочной и живучей парабиологической мембраны. И она эманировала. Она продолжала свое воздействие исподволь, непредсказуемым образом воплощаясь в поступки и общее поведение новых обитателей квартиры и новых ее посетителей.

Ремонт еще не был закончен, когда Мансур рассудил, что предприятию простаивать не след и можно уже начинать. Он уже достаточно вложился в дело, чтобы начать получать с него

сверхприбыль. Помещения, в которых сохранялись бессловесные азиаты, завесили шторами, коридор перегородили ширмой. Доисторическую входную дверь заменили двойной, железной, от которой немедленно повеяло мертвецким холодом. Мансур пригласил на собеседование Эсмеральду, зная ее как опытную и давно состарившуюся блядь, почти начисто лишившуюся былой привлекательности. Мансур нуждался в человеке, знающем дело и любящем это дело. Впоследствии выяснилось, что эти качества были не так уж нужны, да и не только эти, но и никакие вообще. С обязанностями, возложенными на Эсмеральду, он при желании справился бы и сам. Но тогда он думал иначе, и Эсмеральда показалась ему подходящим человеком. Сама она подумывала о барыжничестве, и это занятие ее немного пугало, потому что предполагало тесную связь с откровенными разбойниками, а Эсмеральда боялась тюрьмы гораздо больше, чем сумы. Поэтому она не задумываясь ухватилась за предложение Мансура и после десятиминутного разговора была произведена в мамки. Ей было выдано длинное бархатное платье, доходившее до пят и сильно заузенное в талии; подол был украшен мехом неизвестного животного и соблазнительно шуршал при ходьбе. И ей же Мансур поручил подобрать персонал, запастись санитарными книжками и наладить связи с местным кожно-венерологическим диспансером на предмет профилактических осмотров. Сам он предоставил охрану, договорился с рестораном и дал рекламное объявление в десять петербургских газет.

Мансур, скупой на творческую выдумку, не позаботился дать своему детищу приличного названия. Он указал, что это массажный салон. Побуждаемый соображениями экономии, он выкинул из слова «массажный» лишнюю букву «с», и объявления обошлись ему немного дешевле.

Дело быстро помчалось в гору, в чем никто и не сомневался.

Эсмеральда, полностью преобразившаяся, собственноручно отпирала дверь, впускала клиента, мелко кланялась и улыбалась. Едва дотрагиваясь до локтя пришедшего, она вела гостя в смотровую комнату: просторное помещение с диваном для удобства предварительного знакомства. Здесь все было выдержано в сыроватых розовых тонах: и обои в цветочек, и сам диван тоже в

цветочек. Перед диваном установили столик, на который водружали обязательное ведро с подозрительным шампанским. Эсмеральда олицетворяла любезность и предупредительность. Она широко раскрывала глаза, вникая в пожелания потребителя, беззвучно ахала в ответ на эти пожелания, на все соглашалась и держала в пальцах мундштук с длинной и черной сигаретой. На отлете. Не теряя времени, она призывала девочек.

Они выходили, старательно изображая послушный и кроткий табун, попеременно насчитывавший то пять, то шесть свободных голов. Эсмеральда следила, чтобы подвыпивший гость не зарулил ненароком в уже оккупированные покои. Вокруг обычно царила многообещающая тишина; играла музыка, но доносилась будто издалека и звучала ненавязчиво, она была не быстрая и не медленная, выливаясь в нечто промежуточное без конца и начала, бессмысленное и не обязывавшее ни к чему, кроме полного расслабления и отказа от умственной деятельности. Иногда, правда, давала о себе знать гадость, упрятанная под обои: она прорывалась идиотским, бессмысленным взрывом хохота, который издавал другой гость, явившийся раньше. Невидимый и страшный в своей конфиденциальной непостижимости, он веселился, его что-то забавляло, и многие ежились, пытаясь представить себе развлечения в соседних апартаментах. Девочки держались равнодушно, не слишком размениваясь на лживые эмоции, а потому это одинокое веселье вселяло ужас. Повод к нему было невозможно вообразить. Залпы хохота возникали внезапно, выстраивались в короткую канонаду и так же неожиданно обрывались, как будто кого-то время от времени щекотали гусиным пером.

5.

Носоглотка не боялся дяди. Он боялся Мансура, который еще неизвестно как отнесется к дяде, когда увидит его воочию.

И он никак не мог решить, сказать ли дяде, что тот недаром был честных правил и выторговал себе заслуженное место под солнцем. Носоглотка постановил для себя вести разговор обтекаемо. Его родственные чувства были на удивление глубоки,

если принять во внимание особенности Носоглотки, наделившие его правом состоять в мансуровской группировке. Но не настолько глубоки, чтобы сердить Мансура дядиным отказом, ибо Константин Сергеевич наверняка откажется. Пускай отказывается лично и сам отвечает за базар, носоглоткино дело сторона.

– Дядя, – осторожно сказал он за легким алкогольным завтраком.

– Сегодня мы с тобой идем в одно место. Клевое место.

Заспанный Константин Андреевич ухватил за хвостик отяжелевший чайный пакет и выложил на цветастое блюдечко, недалеко от кучки варенья.

– Сходим, – кивнул он с обычной покладистостью. – На выставку? В музей?

– Типа выставки, ага, – в голосе Носоглотки зазвучала тоска. – Мой бригадир тебе там неслабую халтуру нашел.

Константин Андреевич обрадованно захлопал глазами:

– Врешь!

Он иногда позволял себе задорные дворовые интонации. Он любил молодиться и проказничать, как это свойственно молодости. Это давалось ему без труда, ибо душой он и в самом деле был молод. Носоглотка засопел и представил любимого дядю лежащим под толстым слоем асфальта.

– Век воли не видать, – ответил он небрежно: пошутил. За Носоглоткой не числилось ни одной ходки. – Ты сразу соглашайся, не кобенься. Это очень серьезные люди. На крайняк – молчи, я за тебя сам скажу.

– Хорошо, – Константин Андреевич, уже донельзя заинтригованный, слегка удивился. – А что за работа? Смотрителем в зале?

– Типа зрителя, ага, – тоска усилилась. – Я пока точно не знаю. Тебе на точке... на месте все объяснят.

– Пойду искать трудовую, – возликовал дядя.

Племянник дернулся, чтобы остановить его, но передумал. Пусть ищет и берет. Хуже уже не будет. Константин Андреевич, бодро напевая рекламу про апельсиновый рай, преувеличенной спортивной трусцой побежал к шифоньеру, где хранил коробочку с документами. Носоглотку перекосило, и он потянулся к холодильнику за бутылкой. Он избегал пить при дяде, потому что

не хотел его расстраивать. Дядя не запрещал, но смотрел с такой укоризной, что напитки не лезли в горло. Носоглотка успел похмелиться и сосредоточенно морщился, когда голова Константина Андреевича просунулась в кухню.

– Как мне одеться, Гриша? – озабоченно спросила голова. – Галстук нужен?

Носоглотка ненадолго задумался.

– Нужен, – решил он. Налетела стайка самоуверенных образов и подобий, и он уточнил: – Желательно «бабочку». У тебя есть «бабочка»?

Константин Андреевич, на миг смешавшись, возликовал:

– Нет! Но можно сделать!

Гриша безнадежно отвернулся и уставился в окно. Из комнаты донесся приглушенный стук: это дядя снимал чехол со старенькой швейной машинки. Посидев немного в полном отупении чувств, Носоглотка крикнул:

– Дядя! Не надо ничего делать, мы сейчас пойдем и купим нормальную!

Из комнаты донеслось:

– Гришенька, не волнуйся! Не надо ничего покупать, не тратиться! Тут работы на десять минут...

Носоглотка чуть не сказал, что и тратиться не придется, что «бабочку» ему подарят бесплатно, если он попросит. Дары не укладывались в представления дяди о трудовых отношениях. Дядя признавал лишь скупые и редкие премии, которые еще нужно заработать в поте лица. Обещанные десять минут пролетели незаметно. У Константина Андреевича было удивительно развито чувство времени, он уложился точнехонько в срок. В руках он победоносно держал чудовищное, немыслимое изделие, сооруженное из старенького черного галстука, который даже и не завязывался, а держался на резиночках. Носоглотка сразу узнал оригинал. Константин Андреевич отчекрыжил портновскими ножницами узел и вырезал из галстука два неодинаковых черных крыла. Резиночки дядя оставил на месте. Ловко управляясь с машинкой, он пристрочил к узлу крылья и теперь сиял, донельзя довольный своей находчивостью.

– Гляди!

Константин Андреевич задрал подбородок и пристегнул «бабочку» к тощей шее.

Носоглотка молчал. Дядя хитро скосил глаза и подмигнул:

– Ну? Нечего сказать? А ты говорил! Надо творчески подходить, тогда экономия будет...

Ликующе пританцовывая, он удалился.

...Можно было – и нужно было – действовать проще. Пойти следом за дядей, притормозить его за плечо, нарезать в бубен и сделать внушение. Но сделать этого Носоглотка не мог. Санки, осел и козел, дотянувшись из далекого прошлого, прочно держали его за руки, изнемогавшие от внутреннего зуда.

6.

Покуда ехали на Фонтанку, Константин Андреевич совершенно извелся.

Племяннику стоило большого труда убедить его до поры спрятать самодельную «бабочку» в карман: может быть, она не понадобится. Может статься, там все уже приготовлено.

– Спецдежда? – деловито осведомился дядя.

Носоглотка вспомнил платье Эсмеральды.

– Ну да. Типа. Там очень строго. Ты помалкивай и в базар не вяжись, если не спросят.

Константин Андреевич осуждающе вздохнул:

– Что у вас за выражения, молодежь! Как будто вы какие-то уголовники, бандиты... Разве нельзя сказать по-человечески: дядя, там будут ответственные товарищи, веди себя уважительно и не перебивай?

Носоглотке отчаянно захотелось выпить еще, но он не мог позволить себе бросить руль и заглянуть в распивочную, потому что время поджимало. Мансур был болезненно пунктуален – качество, выработавшееся у него после многочисленных «стрелок» и «терок».

Константин Андреевич с любопытством поглядывал в окно на проносившийся мимо ландшафт. Родные и приятные глазу места в очередной раз баловали его, сулили новое, и сколько еще в них таилось неизведанных возможностей – знал один Бог. Атеизм

Константина Андреевича был дружелюбным и непоследовательным. Пронзительно взвизгнули шины: Носоглотка доехал. Какое-то время он сидел, постукивая толстыми пальцами по рулевому колесу, после чего обреченно молвил:

– Все, дядя. Приехали. Видишь дом? Нам туда.

Дядя проворно выкарабкался из машины и прищурился на железную дверь.

– А где же вывеска? – спросил он с веселым недоумением. – Что это за учреждение?

– Вывеску вешать нельзя, потому что конкуренты пронюхают, – сдержанно объяснил племянник, с языка которого едва не сорвалось слово «милиция» взамен «конкурентов». – Может быть, попозже, – добавил он провидчески.

– Дикое время, – сокрушенно заметил дядя. – Небось, и подписку потребуют?

– Подписку? – Носоглотка тупо взглянул на него. – За кого?

– О неразглашении.

– Ах, о неразглашении... Не знаю. Может быть. У нас, знаешь, все на доверии.

– Это хорошо, – похвалил дядя. – Дружный коллектив.

Племянник что-то пробормотал. Константин Андреевич не расслышал и улыбнулся. Носоглотка резко отвернулся. Он утопил кнопку звонка, ответившую далеким птичьим проигрышем.

Отворила Эсмеральда. На лице ее застыла профессиональная улыбка, в мундштуке дымилась сигарета.

– Мансур здесь? – коротко спросил Носоглотка, не здороваясь.

– Уже минут пять, – голос Эсмеральды был мягок и вкрадчив. – Это ваш дядя?

Носоглотка с шумом втянул в себя воздух. Бессмысленная вежливость мамки раздражала его. Он поманил Константина Андреевича пальцем. Эсмеральда смотрела на дядю с восхищенным любопытством. Едва тот вошел, появился Мансур.

– Отлично, – сказал он, не обращаясь ни к кому в отдельности.

– Эсмеральда, построй блядей.

– Фу-фу-фу, – Эсмеральда покачала головой, выказывая юмористическое осуждение. – Девочки! Собирайтесь, и поживее!

На лице Константина Андреевича оцепенела улыбка. Слово,

которое изрыгнул Мансур, потрясло его до основания, и он старался припомнить присутственные места, в которых оно было бы простительным. Он старался утешиться мыслью, что некоторые производства и сферы не существуют в отрыве от подобного рода слов, что на этих словах зиждется созидательный процесс. Например, в армии, или на сталелитейном заводе. Да мало ли где! Даже в операционной – даже, как выяснилось к негодованию дяди, в советском политбюро.

Мансур тем временем протянул ладонь:

– Мансур.

Константин Андреевич спохватился и поспешно протянул свою, сгибаясь в полупоклоне.

– Константин Андреевич. Очень приятно. Очень рад. К вашим услугам.

Он говорил рублеными фразами, бессознательно подражая карикатурному служаке-тупице. Это было еще одной особенностью Константина Андреевича: он постоянно кого-то копировал, имитировал демонов – преимущественно бодрых и оптимистично настроенных, подселившихся в его невинную душу из телевизора или книги.

Девочки уже ждали, они явились как по мановению волшебной палочки. Их было пять штук: Стелла, Кристина, Марчелла, Олимпия и Ковырялка, услуги которой ценились особенно высоко. Шестая, Клеопатра, была занята, и фирменное жеребячье взлаивание уже доносилось из дальнего номера. Стелла была брюнетка, а все остальные – блондинки, других различий не находили ни Носоглотка, ни Мансур. Девочки были не то одеты, не то раздеты – короче говоря, на них было белье. Профессиональная улыбка Эсмеральды распространилась у них на все члены и органы: они застыли, чуть изогнувшись, и лукаво смотрели на Константина Андреевича, который отвечал им доброжелательными взглядами.

– Вот тебе, Константин Андреевич, коллектив, – изрек Мансур, чутьем угадавший лексику, понятную соискателю места.

– Ага, – просиял дядя. – Очень рад!

С протянутой рукой он поспешил к девочкам. Олимпия прыснула, но сразу же приняла торжественный вид и церемонно ответила на

сердечное рукопожатие Константина Андреевича.

Эсмеральда глубоко затянулась дымом и вопросительно взглянула на Мансура. Тот молчал и покачивался с носка на пятку, засунув ручки в карманы бесформенных штанов.

– Я думаю, мы сработаемся, – уверенно объявил Константин Андреевич. – Мне бы хотелось поближе войти в курс дела. Я человек ответственный и люблю ясность.

Мансур продолжал молчать. Возможно, он не понял, что означает «поближе войти в курс».

– Дядя, – нарушил молчание Носоглотка, – это публичный дом.

– Хорошо, – кивнул дядя, немного растерявшись.

– Ты не догоняешь. Здесь... – Племянник запнулся, подыскивая глагол.

– Любовью занимаются, – подсказал Мансур, и Эсмеральда кивнула.

– Очень приятно, – отозвался Константин Андреевич, благодушно осматриваясь.

– За деньги, – повысил голос Носоглотка.

– Ах, вот как? – Дядя был неприятно удивлен. – Это коммерческая структура?

– Вот именно, – подтвердил Мансур.

Константин Андреевич задумчиво пощелкал пальцами.

– Значит, трудовую книжку вы не возьмете? – осведомился он осторожно.

Эсмеральда пожирала его глазами. Девочки толкали друг дружку локтями, Носоглотка побагровел. Мансур ненатурально осклабился:

– Почему не возьмем? Возьмем! Что скажешь, то и напишем! Если хочешь – и печать будет!

– А это считается? – не унимался дядя. – Мне до пенсии два года, чтобы стаж не нарушился.

– Считается, – зловеще успокоил его Мансур. – Давай сюда твою книжку, – он пошевелил пальцами, как будто отсчитывал купюры.

Вмешался Носоглотка:

– Дядя, – спросил он проникновенно, – тебя ничего не смущает? Все нормально? Ты справишься?

Константин Андреевич ощутил серьезность момента.

– Не боги горшки обжигают, – ответил он скромно. – Правда, я все еще не понимаю отведенной мне функции...

– Простая функция, – вмешалась Эсмеральда. – Приняли клиента, взяли деньги, показали девочек. Распорядились о напитках. И за временем следите, и за порядком. Гена, Сережа!

К девочкам присоединились мясные исполины в военной форме не установленного образца.

– Это Гена и Сережа, наши охранники. Если клиент поведет себя нехорошо – начнет хулиганить, ругаться, блевать, не захочет платить, то нужно позвать их, и они разберутся.

– Понятно, – кивнул Константин Андреевич. Помявшись, он взволнованно спросил: – Видите ли, я человек с выдумкой, люблю, чтобы дело кипело... как у вас здесь насчет творческой инициативы?

Носоглотке захотелось умереть и не жить. Девочки начинали скучать, Сережа и Гена высились безразличными глыбами.

– Я не очень понял, – признался Мансур, – но можно. Если клиентов будет больше и останутся довольны – все можно! Ты, главное, не спеши – мы сейчас посоветуемся с твоим родственником...

7.

Нацепив очки, дядя глазел по сторонам, расхаживал на своих журавлино-цапельных ногах и осторожно рассматривал картины античного содержания.

Мансур отвел Носоглотку в сторону.

– Что это за чучело? – Голос босса срывался. Носоглотка боялся, что Мансур завизжит, уподобится свинье и тем осквернится. – Кого ты мне сватаешь, образина? Он же трекнутый! Он же не понимает, куда попал...

– Отчего же, понимаю, – удивленно возразил ему Константин Андреевич, каким-то чудом оказавшийся рядом и тем выручивший племянника.

Мансур, еще недавно издевательски обходительный, окончательно позеленел.

«Завизжит», – обреченно покачал головой Носоглотка.

– Это дом терпимости, – вежливо продолжил дядя. – Это ведь нынче законно, правда? Иначе ведь никто бы не разрешил это делать?

– Можно, мы пойдем? – крикнула Марчелла.

– Стоять, – рявкнул Мансур и закашлялся, так как исторг из себя слишком большую порцию перебродившего воздуха. Он уставился на Константина Андреевича, слегка приоткрыв рот. – Ты вправду думаешь тут работать?

– Ну а почему бы и нет? Я что-то не так сказал? – тот разволновался. – Так я же еще не в курсе, вы мне объясните...

Мансур сделал движение, и Носоглотка совершил невозможное: перехватил его руку.

– Шеф, – произнес он быстро, – я отвечаю. Отвечаю своей башкой.

Мансур выдернул руку. Теперь он рассматривал дядю угрюмым, давящим взглядом.

– А! – Он сплюнул, и это произвело на дядю неприятное впечатление. – Делайте, как хотите! – Он взмахнул руками. – Раз за тебя поручились...

Константин Андреевич прижал к груди руки:

– Позвольте приступить прямо сейчас. Мне для начала хотелось бы ознакомиться с трудовым процессом, – он оглянулся на девочек, уже надувшихся и бивших копытами.

– Ах вот как, – молвил Мансур. – Ты хочешь ознакомиться с процессом. Эсмеральда! Отведи его, покажи процесс... Отведи к Клеопатре...

Мамка содрогнулась:

– Нельзя, – зашептала она, – там же клиент у нас, постоянный, он возмутится...

– Ну так получит по рогам, если возмутится! Что, у тебя дырок не просверлено?

– Видеокамеры, – робко подал голос Константин Андреевич. Все замолчали.

– Что? – спросил Мансур.

– Это дорого, конечно, – дядя виновато потупился.

Носоглотка шагнул вперед.

– Что ты вякнул, дядя? Обоснуй.

– Надо поставить видеокамеры, – обосновал дядя. – Ну, чтобы контролировать процесс. Ведь вы же этого хотите, да? Поставить и спрятать.

Мансур задумчиво выпятил губу.

– Веди его процесс смотреть, – повторил он наконец.

Эсмеральда машинально взяла Константина Андреевича под руку, и тот приосанился.

– Ш-ш-ш!... – Мамка сделала большие глаза. – На цыпочках и не дышите...

Дядя повиновался и стал похож на огромную мультипликационную тень, крадущуюся по старому замку.

Никакой дырки у Эсмеральды просверлено не было, мамка пользовалась обычной замочной скважиной. Сдавленно крякнув, Константин Андреевич нагнулся и припал одним глазом к отверстию. Лицо его исказилось от усердия. За дверью как раз и заржали, радостно и обреченно; Константин Андреевич продолжал смотреть. В итоге он, придерживая себя за поясницу, выпрямился, и довольно громко заявил:

– Ну, понятно в общих чертах...

Видно было, что нечто гнетет его, не дает покоя. Все сделали вывод: кандидат смущен, кандидат озадачен и думает теперь, как бы подостойнее отступить.

Но оказалось, что дело в другом.

Дядя хотел униформу.

– Видите ли, – заметил он робко, – на должности всем полагается униформа. Во всем должен быть порядок, тем более в таком беспокойном месте. Даже у ваших охранников есть форма. Мне бы хотелось переодеваться во что-то строгое, соответствующее статусу зрителя... Но если это невозможно, – Константин Андреевич испуганно спохватился, – то тогда нет, тогда не надо формы... Только ты, Гришенька, сам говорил про «бабочку»...

Стояла тяжелая, недоверчивая тишина, и только ржание металось по коридору.

Мансур посмотрел на Эсмеральду в ее приталенном платье, затем перевел взгляд на Константина Андреевича.

– Форма будет, – сказал он осторожно. – С бабочкой.

Эсмеральда восторженно всплеснула руками:

– Можно даже цилиндр! Такой импозантный господин!

– Цилиндр тоже поищем. А вот что ты там такое говорил про видеокамеры?

(Продолжение следует)... Hekeýalar